

Функциональные особенности сравнений в калмыцких богатырских сказках

Features Comparison In The Kalmyk Heroic Fairy Tale

Ц. Б. Селеева (Ts. Seleeva)¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел фольклора, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: tsagana007@mail.ru.

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Department of Linguistics, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: tsagana007@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению сравнений в калмыцких богатырских сказках, являющихся выражением этноязыковой и культурной картины мира. В ходе исследования и анализа выявлены формальные типологические черты и функциональные свойства, присущие организационной структуре сравнительных конструкций в сказочном тексте. Кроме того, отмечаются национально-культурные признаки, жанровые и лексические особенности сравнений в стилистике калмыцких богатырских сказок.

Ключевые слова: богатырская сказка, традиционные формулы, сравнения, сказочная стилистика, языковые средства.

Abstract. The article considers the peculiarities of comparisons in the Kalmyk heroic tales, the expression of ethno-linguistic and cultural view of the world. The study and analysis the formal typological features and functional properties inherent in the organizational structure of comparative constructions in the fantastic text. Besides, national-cultural signs, genre and lexical features of comparisons in stylistics of the Kalmyk heroic tales are marked.

Keywords: the heroic fairy tale, traditional formulas, comparison^s, fabulous style, language means.

Сказка является одним из основных фольклорных текстов, репрезентирующим национально-культурные архетипы и базисные модели духовной жизни этноса, — систему социальных отношений, нормы поведения, архаические представления о мире, ритуалы и обряды — выражающиеся особой структурированной системой языковых средств, семантики и символов. Наряду с фольклористическими исследованиями генезиса и жанровой специфики сказки учеными проводился лингвистический анализ текстов сказочного фольклора в различных аспектах [Веселовский 1940; Петрикина 1952; Павлова 1967; 1976; Голикова 1973; Зайцева 1977; 1978; Иванова 1979, Шапиро 1977; 1979; Давыдова 1979; 1981; Борковский 1981; Дмитриева 1988; Черноусова 1994; Тихомирова 1997].

Современные тенденции рассматривают фольклорный сказочный текст как целостную, самобытную поэтическую систему. В этой связи особую актуальность приобретает изучение языковой и стилевой систем калмыцких сказок с учетом роли устной традиции и традиционного стилевого фонда [Омакаева, Бадмаева 2004а; 2004б].

Традиционность языкового построения и национально-культурная специфика образной системы языка сказки обнаруживаются в сравнениях. Образное сравнение представляет собой художественно-изобразительное средство языка, «основанное на семантическом сходстве и характеризующееся наличием слова, выражающего идею подобия» [Егорова 2002: 85]. Образ сравнения отражает национальное мировосприятие: «отбор образов происходит в соответствии с нравами и обычаями народа, особенностями его культуры и истории» [Огольцев 2001: 5].

В калмыцких богатырских сказках наблюдаются примеры устойчивых сравнений, где объектом сравнения выступают предметы и понятия, связанные с повседневной деятельностью человека, его наблюдениями за окружающим миром:

1) человек и его жизнедеятельность — богатырь, старуха, посланник, родинка, палец, глаза, щека, сердце; гной, жир; сахар, шулмус, пир;

2) предметы быта — рукав одежды, платье-биизе, ремень; чаша, трубка, кнут, подпотник, золотые монеты, бумага, лекарственное снадобье;

- 3) оружие — меч, пуля, стрела;
- 4) явления природы — земля, гора, океан, лужа, камень, комья земли; мираж, туча, облако, снег, ветер, пожар, искра, паутина;
- 5) животные — волк, конь, тушканчик, буйвол, верблюд-самец, верблюжонок;
- 6) насекомые — муха, бабочка;
- 7) птицы — беркут, коршун, воробей, ласточка;
- 8) растения — тамариск, дуб.

Кроме того, в структуру сравнений входят адъективные и субстантивные сочетания, ставшие символами, устойчивыми формулами, характерными именно для калмыцких богатырских сказок: *конь-аранзал, сиво-серый мерин, поджарый вороной (гнедой) конь, пятилетний конь, шелудивый жеребенок-двухлетка, обрубленный хвост коня, кормящая корова-трехлетка, голова буйвола, голова верблюда-самца, степная антилопа, солончаковый белый тушканчик, серый воробей, черная ласточка, косяк воробьев, косяк лебедей, жесткие пестрые глаза, глаза коршуна и беркута, десять священных белых пальцев, сопливый паршивец-мальчуган, старуха мусов, черный стальной меч, ружейная пуля, вольная стрела, весенний мираж, весенний ветер, белая гора из костей, красные камни, старый колодец, золотое платье-биize, белое лекарственное снадобье, свадебный пир.*

Формульные сравнения могут иметь как простейшую, так и развернутую форму выражения:

- ... *хасн бууһин сумн мет, хагсуһин гәлм мет* *жилвкәд одв* ‘словно пущенная из ружья пуля, словно паутина, блеснув, умчался [богатырь]’¹ [Хальмг туульс 1961: 142];
- *Хасн бууһин сумнла әдл, хаалһар гүүсн ялмн бит, хаврин хар салькн бит, өлцд орсн түүмр бит, өөкнд орсн чон мет, тоормасн үргн гүүһәд, тооснасн жигишн гүүһәд йобб* ‘Словно пущенная из ружья пуля, словно тушканчик, бегущий по дороге, словно сильный весенний ветер, словно пожар, разгоревшийся в осоке, словно волк, попавший в жир, пугаясь пыли, скакал, убегая от пыли, мчался [конь]’ [Хальмг туульс 1972: 176].

¹ Здесь и далее перевод автора.

Рассматриваемые сравнительные конструкции по части речи опорного слова, с которым они связаны грамматически и семантически, являются приглагольными, присубстантивными и приадективными.

Языковая реализация сравнения чаще всего осуществляется в двучленной форме при помощи послелогов и частиц: *met* – *мет* (‘как’), *chingä* – *чиңгә*, *dǎngä* – *дүңгә* (‘размером с’) и др.:

- *Арднь шавхгаснь һарси шаврнь бууһин сумн мет жиигәд, жиигәд һарч йовдг болна* ‘Комья земли из-под копыт [коня] отлетали назад со свистом, как ружейные пули’ [Хальмг туульс 1961: 142];
- *Дораснь делтрин чинән хар үүлн һарч ирәд, хур, мөндр, салькн һурвн үрү цокад, царин чиңгә улан чолуд деерәснь теңгрин орна күүкд, көвүд унһаһад, һазад далад киискәһад хайчкв* ‘Снизу величиной с подпотник черное облако показалось — дождь, град и ветер нагрянули, сверху небесной страны девушки и юноши стали сбрасывать величиной с быка красные камни, и во внешний океан его заставили упасть’ [Хальмг туульс 1961: 148].

В сказке имеются примеры бессоюзных сравнений, где значение сравнения выражено имплицированно. Такие сравнения, выполняющие уподобительно-усилительную функцию, могут быть употреблены в цепочке эксплицированных сравнительных конструкций:

- *Элә бүрд нүдәрн эргүл дуңһрулн харвб* ‘Глазами коршуна и беркута, провернув [в глазницах], посмотрел’ [Хальмг туульс 1961: 142];
- *Эгчнь Улажсин Мергән малтад һарһжс авад, әмн һолинь хәләхлә, үлдин ир әрә кирвәд, тасрл уга үлдсн бәәжс, һарһжс авад, үүт-түүт күрдгө — үүлн цаһан әм түркәд, хонг үдтнь күрдгө хурдн цаһан әм түркәд, хойр долан хонгт әмтә усар уһаһад, эдгәһад авна* ‘Старшая сестра Уладжин Мергена выкопала и вызволила его, — когда осмотрела жизненную артерию, [то поняла], что острие меча едва ее задело, — она не разорвалась, осталась целой, — [девушка] вынула [меч из раны] — как облако, белое лекарство помазала, спустя сутки быстродействующее белое лекарство помазала, в течение двух недель поила его живой водой и исцелила’ [Хальмг туульс 1961: 170].

Имплицированные сравнения могут носить идентифицирующий характер и обычно выражаются глаголом:

- *Көвүнд өвгн келжэнэ: «нүр талан цогта, нүдн талан халта, төөрсн бух болсн, төшсн нодль болсн, зун орнь зулч болсн, зурхан орнь элч болсн, деед орнь шулм болсн, дорд орнь бирд болсн, хааһас хааран тошч йовх күмч?»*, — *гижэ келв* ‘Старик говорит юноше: «С пламенем в лице, с огнем в глазах, ставший заблудшим буйволом, вольной стрелой ставший, посетивший сто стран, шести стран посланником ставший, в верхнем мире шулмусом ставший, в нижнем мире бирменом ставший, откуда и куда мчишься ты?», — сказал он’ [Хальмг туульс 1961: 143];
- *Тишгэд эмгн барун өвдг деерэн тэвэд, барун халхинь балвртлнь үмсв. Зун өвдг деерэн тэвэд, зун халхинь зүркэн хантлнь үмсв* ‘Тогда старуха, на правое колено посадив, правую щеку целовала, едва не расплющив. На левое колено посадив, левую щеку целовала до тех пор, пока сердце не насытилось’ [Хальмг туульс 1961: 146].

Имплицированные и эксплицированные сравнения в сказках употребляются не только как средство уподобления, но и как способ гиперболизации:

- *Отгинь нүүлхэд, авч ирэд, түм күрсн отган дуудад, миңһ күрсн хурлинь залад, боса күүнэ бөрвцэ, сууһа күүнэ сууца хүрм-гиич кехэд, нэр-наад кехэд, амрад, жирһэд бээв* ‘Кочевье [суженой] переселив, десяти тысячное кочевье свое, созвав, монашескую общину в тысячу монахов им определив, стоящему человеку по колено, сидящему человеку по бедро [подняв пыль,] устроили свадебное пиршество — в счастье и благоденствии пребывали’ [Хальмг туульс 1961: 167].

В сказочном вступлении, как правило, дается описание героя-богатыря и его характеристика, где иногда с помощью отрицательного сравнения, построенного на сопоставлении, подчеркивается его исключительность:

- *Ишкэд йовснасн нааран, мөрн-күлг кедү арнзл мет болвчн, көл дөрэлжэ мордад уга деерэн, теегин гөрэсн кедү хурдн болвчн алдржэ эс хардг төлэднь*, — *Йовһн Мергн гижэ нер авсн бээжэ* ‘Стал он зваться Пешим богатырем — Метким Стрелком за то, что с тех пор, как ступил, пошел он — как бы ни был кюлюк-скаун [стремителен], подобно аранзалу, в стремя не вдевал он ног и не садился верхом [на коня], какой бы быстрой ни была степная антилопа, не могла уйти [от его преследования]’ [Хальмг туульс 1961: 179].

Сравнительные обороты нередко используются как стилистический прием идеализации богатыря. Герой-богатырь не мыслит себя вне рода и семьи, поэтому его могущество подчеркивается через образ его суженой, отличающейся особой красотой, или через статус брата:

- *Гергнь герлднь үүл уйм, гегэнднь аду манм сээхн* ‘Супруга его была так красива, что в свете ее можно было шитьем-вышивкой заняться, в сиянии ее табун стеречь было можно’ [Хальмг туульс 1972: 178];
- *Кеер йовсн хан чицгэ Мергн ахнь эалдэс медэд, хэржэ ирнэ* ‘Разъезжавший по степи, хану подобный старший брат его Мерген, предчувствуя [неладное], возвращается [домой]’ [Хальмг туульс 1961: 179].

В функциональном плане сравнение в калмыцкой богатырской сказке выступает не только как уподобление, но применительно к герою и его окружающему вещному и предметному миру оно используется и как средство выражения экспрессии. Такая функция особенно характерна для структур с компаративной семантикой, используемых в качестве средств гиперболизации. Так, в описании вещей и предметов, принадлежащих герою-богатырю, — меча, одежды, трубки, золотых монет, чудесного камня — используются сравнения с семантикой гиперболизации, чтобы подчеркнуть его особенность:

- *Цасн болтлын давтсан, цаасн болтлын нимгэлсн, деегийн завдхлань деед Замб түвиг хоосрадг, дорагшан завдхлань дорак Замб түвиг хоосрадг* шур хар нертэ үлдэрн нежсэд шувтрлдад авв ‘[Шарада ба-атр взмахнул] своим черно-стальным мечом [, инкрустированным] кораллами, откованым так, что он стал подобен снегу, отточенным так тонко, что он стал подобен бумаге, если взмахнуть им вверх, то уничтожит верхний Замбу тив разом, если махнуть им по низу, то уничтожит нижний Замбу тив разом’ [Хальмг туульс 1961: 166];
- *Далн туули мөрнэ үнтэ дарвд алтн биизиг* далын герл дахулад өмсв ‘Золотой [парчи] с широкими полами платье-биизе, стоимостью в семьдесят пятилетних коней, [поверх] лопаток, [источающих] свет, надел’ [Хальмг туульс 1961: 142];
- *Ах-Сахл Богдитин буурин толхан чицгэ ханзан хархжэ авад, тэмкэн нерэд, бухин толхан дүңгэ цог тэвэд, утахан пард-пард гүгэд татад, мөрэн көтлэд йовжсана* ‘Ага-Сахал Богдитин ве-

личиной с голову верблюда-самца трубку достал, набил табаком величиной с голову буйвола уголь положил, затянулся и повел за собой коня' [Хальмг туульс 1972: 179];

- *Тишгэд Бужн Дава хан <...> буурин толхан чиңгэ һанзд бот-хна шилвинь дүңгэ сурул зүүчкэд, буру зөв уга эргүлэд, тэмкэн татад...* 'Так Буджин Дава хан <...> в трубку, что величиной с голову верблюда-самца, вставил мундштук, что величиной с голень годовалого верблюжонка, проворачивая вправо и влево, закурил' [Хальмг туульс 1972: 68];
- *Көвүн йовх болна. Хэарт Хар Күкл эк-эцк хойртнь, көвүһән иртл эдлэж бээтн гиһэд, хавтхасн 15 мөрнь үнтэ, арвна шар алт һарһад өгчкэд, сөөвңгән дахулад һарна* 'Мальчик изъявляет желание поехать [с Хайрт Хара Кюкюлом]. Хайрт Хара Кюкюл родителям его на пропитание, пока их сын вернется, вынул и отдал десять золотых монет, что ценой в пятнадцать коней, взяв [мальчика] помощника с собой, вышел' [Хальмг туульс 1961: 22];
- *Ода яһжс алдг болхм гиһэд, алдг арһинь олжс ядад, Оһмрһуһас ца-рин чинән чолу тәрмдјс унһаһад, тер мусинь элкн деернь тальвбб* '[Богатырь] думал, как же теперь умертвить [муса], и не находил способа. [Тогда он произнес заклинания,] и с небес упал камень величиной с быка — на печень того муса он водрузил' [Хальмг туульс 1961: 144].

Описания с использованием сравнений и гиперболизации касаются не только главного героя-богатыря, но и образа богатырского коня, являющегося проявлением героической идеализации:

- *...цэгәнн ууһад дуусад, уулын чиңгән оһтр сүүлтэ шарһиг авч ирјс тохтн гијс келэд, тэвчкв* 'Напившись чаю, [богатырь закончил трапезу] и велел привести и оседлать солового [коня], величиной с с гору с обрубленным хвостом' [Хальмг туульс 1972: 179].

Большей частью сравнения дают образную характеристику действий и поступков сказочного героя и выполняют репрезентативную функцию. Они характеризуют быстроту, стремительность действий персонажей, которые передаются через сопоставление с быстротой искры, ветра, тушканчика, стрелы, ружейной пули, волка, разгоревшегося пожара и др.:

- *Күрл мөңгн дөрөд көлнь күрхин тедүд, улв болгсн көвцг деер очн мет өсрэд тусв* ‘Едва ноги [богатыря] коснулись бронзовых серебряных стремян — на кожаную седельную подушку, словно искра, вскочил’ [Хальмг туульс 1961: 142];
- *...цаһан улв түнтг деерэн очн мет оч тусад, нүднд түрд, чикнд сард гигэд йовад оч* ‘на белую подушку [седла], словно искра, вскочил он и исчез, промелькнув перед глазами и просвистев в ушах’ [Хальмг туульс 1961: 192];
- *... хасн бууһин сумн мет, хаврин хар салькн мет, ишкэд орксн ормнь хуучн худгин бээрн мет, өсрэд һарсн шаврнь арднь уул болжс үлдэд ...* ‘[мчался] словно пущенная из ружья пуля, словно сильный весенний ветер, места, где ступали копыта [коня], были подобны старым колодцам, разлетавшиеся из-под ног [коня] комья земли образовывали сзади горы’ [Хальмг туульс 1972: 57];
- *Тишгэд хасн бууһин сумн мет, хаврин жирлһэн мет, хагсуһин гөлм мет, жилвкүлжс тэвдг болна* ‘Так мчался [он], словно пущенная из ружья пуля, словно весенний мираж, словно паутина, блеснув, умчался [богатырь]’ [Хальмг туульс 1961: 149];
- *Бүдүн өвсиг бөклзүлэд, нэрхн өвсиг нэгхлүлэд, хасн бууһин сумн бит, хадлһнд орсн ялмн бит, хаврин хар салькн бит, өлцгд орсн түүмр бит, өөкнд орсн чон бит, тоормасн үргн гүүһэд, тооснасн жигшин гүүһэд, мөрнэ көлин ишкдлэс, өрсн шавр богшадан керэн, хун керэн чиңгэ деер, арднь үлдэд йобб...* ‘Толстые травы сгибая, тонкие травы покачивая, словно пущенная из ружья пуля, словно тушканчик, попавший в покос, подобно сильному весеннему ветру, словно пожар, разгоревшийся в осоке, словно волк, попавший в жир, пугаясь пыли, скакал, убегая от пыли, мчался, комья земли из-под ног коня, словно косяк воробьев и косяк лебедей, летели сзади’ [Хальмг туульс 1968: 101];
- *Күлг унһна ду һарһад, чишкэд, хасн бууһин сумн кевтэ хагдад, хагин цаһан ялм кевтэ ягдад, ясн цаһан уул кевтэ өндртэд...* *Өмнэн авад хаяд йовсн шорань өмннь соньн уул болад чичрэд, ардан авад хаяд йовсн шораднь ардк цахрмуднь барс-бүрс гихэд үгздэд йовна* ‘Скакун, заржав, как жеребенок, словно пущенная ружейная пуля, летел, словно солончаковый белый тушканчик, прогибался он, словно белая гора из костей, устремлялся ввысь он. Комья земли, выбрасываемые вперед [из-под копыт коня], образовывали перед ним чудные горы и сотрясались, сквозь выбрасываемые назад комья земли едва виднелись позади сахараы’ [Хальмг туульс 1972: 137].

Гиперболические сравнения, используемые в описании особых примет противника, с которым богатырю приходится встречаться на своем пути, и реакции на него:

- *Сүүлднь Аһ-Сахл Богдитин сөрв. <...> Шинжлхлэ, зун далиннь дор хурһи чиггэ хуучн сөрвөт* ‘Наконец Ага-Сахал Богдитин проснулся. Внимательно осмотрев [спавшего рядом богатыря], и под левой его лопаткой заметил старую родинку размером с палец [человека]’ [Хальмг туульс 1968: 180];
- *Хармин Хату Хариг тиигжэ йовсиг үзчкэд ааһин дүңгэ нүднь аврлт угаһар урвад, арви эрүн цаһан хурһинь альхн талан үүмлдэд...* ‘[Пеший богатырь — Меткий Стрелок], увидел что творит Хармин Хату Хара, — глаза его, что размером с чашу, беспощадно наполнились [гневом], десять священных белых пальцев сомкнулись в кулак’ [Хальмг туульс 1972: 179].

Как правило, приключения и путешествия сказочного героя-богатыря связаны с архаическими ритуалами и обрядами инициации. Их отражением в богатырской сказке являются уход героя из своего социума (семьи, рода), временная изоляция и странствия в иных странах, в верхнем или в нижнем мире, где и происходят его контакты с духами: приобретение духов-помощников или борьба с демоническими противниками. Образ нижнего мира, представленный через сравнения, необычен, а его элементы гиперболичны:

- *Көкүл долан һунжэһн үкрин дүңгэ нохас баң-баң гигэд, сүүлэн шарвадад бээнэ* ‘Собаки, размером с семь коров трехлеток, громко лая, виляли хвостами’ [Хальмг туульс 1961: 191];
- *Эн ноханчин өөр үксн эмтнэ цусн дала болад, яснь — Сөмр уул болж одсн бээнэ, — болна* ‘Возле собаки этой кровь умерших людей океаном стала, кости их горой Сумеру стали’ [Хальмг туульс 1961: 191].

Калмыцкая богатырская сказка рисует образ героя-богатыря, отличающегося физической силой и ловкостью, невероятной энергией и смелостью, отвагой и решимостью. Его богатырской энергии и героическому характеру требуется выход. Героическая энергия богатыря побуждает его к действию, в котором эта энергия реализуется, а обладание силой и смелостью — необходимое условие для превращения героической энергии в действие. «„Переполнение“ героя боевой энергией ведет к поискам встреч с богатырями, с кото-

рыми можно было бы помериться силами» [Мелетинский 2004: 341]. Использование гипербол в сравнениях при описании богатырского поединка придает особую экспрессию кульминационному моменту сказочного повествования:

- *Кесгэн ноолдв. Шү хар модиг хавтха шилвүр болтл ноолдад, далан усыг чалчаг болтл ноолдад, уулыг тегш һазр болтл ноолдад, кен негнэ авч чадад...* ‘Долго боролись они. Дрались так, что ствол дуба плоским, как кнут, стал, боролись так, что вода из океана лужей стала, гора сравнялась с землей, так боролись они, один другого не мог побороть’ [Хальмг туульс 1972: 180];
- *Тэкин арсн шалвиг тэкм деерэн тэвн нэгм эвкэд, буур кевтэ күрлдэд, бух кевтэ ташалдад, хоюрн таш-баи бэрлдэд ноолдна* ‘[Богатыри] штаны из куланьей шкуры на икрах пятьдесят восемь раз подвернули, как самцы верблюды, ревя, став боками друг к другу как быки, схватились вдвоем в поединке’ [Хальмг туульс 1961: 172].

Обладание героя богатырскими свойствами позволяет ему добиваться поставленной цели — благополучно пройти инициационные испытания и одержать победу над противником или соперником:

- *Эрвңгинь төгэлүлэд утлад, ааһин чиңгэ эрвңг утлэж амнднь авада шаав, сэн залу үквчн амнь тоста йовтха гинхэд, һолыннь цуснасна хорв оошлэж ууһад, утхан хавтхлад, маш улан хальңг болад, һарад йовад одв ...* [Ага-Сахал Богдитин, убив противника,] жир вокруг [живота его] отрезал, размером с чашу жир отрезал и воткнул в рот, дескать, пусть хороший муж и умер, но рот его будет сытым; кровь из горла трижды испил, нож засунул в карман, захмелев, покраснел, выехав, пустился в дальнейший путь [Хальмг туульс 1972: 181].

Иногда при подаче образа в калмыцких богатырских сказках в сравнении используется прием литоты. Так, богатырский конь имеет величину с рукав одежды, силуэт, видимый богатырем вдали, сравнивается с бабочкой, ласточкой, но чаще всего с мухой:

- *Хаш мөңгн урлта, хала мөңгн турута, ханцна чиңгэ нэрхн хар кер мөртэ, шажн йиртмэж хойриг дээвлүлгсн Шажн Улан баатр эжго эрм цаһан көдэд нутгелсн болдг ...* ‘На поджаром вороном гнедом

коне, что размером с рукав, с яшмово-серебряной [уздечкой] на губах, с жестяно-серебряными [подковами] на копытах, богатырь Шаджин Улан расшатавший основы веры и мира, раскинул свои кочевья в безлюдной степи' [Хальмг туульс 1972: 56];

- *Хойр нүдэрн харвхла, ик хол эрвэкэн дүцгэн юмн ээвч-ээвч гихэд, батхнин чицгэн баран барс-бурс гихэд үзгдв* ... 'Когда [он] всмотрелся обоими глазами, то [увидел] вдали что-то мелькающее размером с бабочку, что-то мерцающее, размером с муху ему показалось' [Хальмг туульс 1972: 176–177];
- *Бээшгүрнь курэд ирхин алднд мусин эмгн харань харадан чинэн, барань батхнин чинэн болж харгдв* 'Он только было возвратился к себе во дворец — старуха мусов исчезла, показавшись вдали, став размером с ласточку, очертаниями размером с муху став' [Хальмг туульс 1961: 144];
- *Долан хонгт гүүхэд орхсн цагт нег бор толһа деер харч, делгэд, дөнн бүргдин нүдн һарад, ямр чигн хол һазр үлдв гилч гигэд хэлэж бээтл, теңгр һазр хойрин шавилһнас батхнин чицгэ баран барң-барң гигэд, һарад ирнэ* 'Когда промчался он семь суток, взобрался он на один серый холм, посмотрел вокруг взглядом четырехлетнего беркута, пока он смотрел и думал о том, каково же расстояние, которое ему еще осталось преодолеть, — со стороны горизонта показался силуэт, размером с муху' [Хальмг туульс 1961: 169].

Для богатырской сказки чаще всего характерны сравнения, основанные на простом параллелизме — характер, поступки героя-богатыря, явления человеческой жизни сопоставляются с явлениями природы и животного мира:

- ... *хаврин хар салькн мет, хаалһд орсн ялмн мет, бөдүн өвсиг бөкүлл уга, нэрн өвсиг нээхлүлл уга, өркдин деерэһүр, үүлнэ дорәһүр һарад йовад одна* 'словно сильный весенний ветер, словно тушканчик, попавший на дорогу, толстые травы не сгибая, тонкие травы не качая, над дымниками [юрт], под облаками мчался [конь]' [Хальмг туульс 1972: 60];
- ... *үүлн өцгтэ көк бор мөрән көлгэд, ардаснь көөһэд һарна* '[Через некоторое время невестка Хатун-Татун] помчалась вслед [за Хартин Хара Кюкюлом] на сиво-сером мерине, похожем на облако' [Хальмг туульс 1961: 191];

- *Тиигэд Хартин Хар Кукл мөрэн хуухта му дааһ келэд эврэн бийнь нуста му көвүн болна. Нүднэнь өмн булцгднь бор богшудан чигэн өөр хурж, ард булцгднь хар харадан чигэн өөр хурж* ‘Тогда, Хартин Хара Кюкюл коня своего превратил в шелудивого жеребенка-двухлетку, а сам стал сопливым паршивым мальчуганом. В переднем углу глаз гной величиной с серого воробья скопился, в заднем углу глаз гной величиной с черную ласточку скопился’ [Хальмтуульс 1961: 191].

Традиционность, устойчивость, консервативность стилистических приемов сравнительных конструкций, их варьирование и количественное многообразие способствуют созданию яркого, красочного и живого повествования. Элементы образной системы национальной картины мира, обнаруженные в сравнениях калмыцкой богатырской сказки, следующие: быстрота ходьбы богатыря сравнивается со скоростью бега аранзала и сайгака, скорость его посадки в седло — со вспыхнувшей искрой; грозный и пронзительный взгляд героя-богатыря — со взглядом коршуна и беркута; с величиной чаши сравниваются глаза героя-богатыря и жир, отрезанный и воткнутый героем в рот противнику; чудесный меч героя выкован так, что подобен снегу, лезвие его наточено так, что подобно тончайшей бумаге; золотое платье-биизе героя оценивается в семьдесят пятилетних коней, а десять золотых монет, отданных героем за мальчика-помощника, в пятнадцать коней; встретившийся в пути герою старик уподобляет его заблудшему буйволу, вольной стреле, шулмусу, бирмену и послу; отдыхающий в пути богатырь описывается устойчивым формульным сравнением и сравнивается с растянувшимся ремнем и тамариском, а закуренная им трубка — с головой верблюда-самца, мундштук — с голенью верблюжонка, уголь — с головой буйвола; размером с буйвола падают камни с неба; длительность богатырского поединка сравнивается с тем, что ствол дуба плоским стал, вода в океане лужей стала, гора сравнялась с землей, а сами борющиеся богатыри сравниваются с самцами-верблюдами и с готовыми к поединку быками; немаловажное значение придается статусу — брат героя сравнивается с ханом — а красота суженой сравнивается с сиянием; с облаком сравнивается сиво-серая масть коня и чудесное лекарство-снадобье; туча сравнивается

с подпотником; стремительность бега коня героя сравнивается со скоростью ружейной пули, весеннего ветра, сайгака, тушканчика, пожара в осоке, бега волка, попавшего в жир, с блеском паутины и видением миража, гибкость коня сравнивается с гибкостью тушканчиока, высота его прыжка — с горой, а комы земли, выбрасываемые из-под копыт коня, — с косяком из воробьев и лебедей, скопление их — с горой; места, где ступали копыта коня, — со старыми колодцами; силуэт, увиденный героем, сравнивается по размеру с бабочкой, ласточкой и мухой; неприглядность облика паршивого мальчугана выражается через гной, скопившийся у него в уголках глаз, что размером с воробышка и ласточку; величина собак в преисподней — с трехлетними коровами; веселье свадебного пиршества сравнивается с поднятой пылью, что была стоящему человеку по колено, сидящему — по бедро.

Образная система языка калмыцких богатырских сказок рассмотрена в работе через призму сравнений, имеющих устойчивую структуру и встроенных в формульные конструкции. Устойчивые сравнения репрезентируют специфические особенности жанра богатырской сказки и фразеологизированных структур компаративной семантики языка. Формальной организации сравнений свойственны общие признаки. Национально-специфические признаки в основном реализуются посредством определенного подбора средств гиперболизации, выражающих национально-культурные коннотации. В лексическом наполнении сравнительных конструкций используются названия национально-культурных реалий и различных кодов культуры — антропного, растительного, зооморфного, природного и др.

Источники

Хальмг туульс. Барт белдснь Саңһжин Б., Саңһан Л. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1961. I боть. 220 х.

Хальмг туульс. Манжин Санжас бичж авсн Бембән Ш. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1968. II боть. 264 х.

Хальмг туульс. Нээрүлж кевлелд белддж диглснь: Н.Н. Мусова, Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинава. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1972. III боть. 250 х.

Sources

Kalmyk Fairy Tales. B. Sandzhiev, L. Sangaev (comp.). Vol. 1. Elista: Kalm. Book Publ., 1961. 220 p. (In Kalm.)

Kalmyk Fairy Tales. Recorded from Sandzhi Mandzhiev by Sh. Bembeev. Vol. II. Elista: Kalm. Book Publ., 1968. 264 p. (In Kalm.)

Kalmyk Fairy Tales. N. N. Musova, B. B. Okonov, E. D. Muchkinova (comp.). Vol. III. Elista: Kalm. Book Publ., 1972. 250 p. (In Kalm.)

Литература

Борковский В. И. Синтаксис сказок. Русско-белорусские параллели. М.: Наука, 1981. 235 с.

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940. 647 с.

Голикова С. В. К вопросу о языке народной волшебной сказки // Вопросы истории и филологии. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1973. Вып. 2. С. 41–48.

Давыдова О. А. К вопросу о традиционных языковых приемах и средствах русской народной волшебной сказки // Проблемы современной и исторической лексикологии: Сб. науч. трудов Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М.: Изд-во МГПИ, 1979. С. 113–125.

Давыдова О. А. Традиционные языковые средства русской народной волшебной сказки (определятельные сочетания, поэтические формулы): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981. 22 с.

Дмитриева Т. Г. Повествовательные и описательные стилистические приемы в русской народной волшебной сказке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988. 24 с.

Егорова О. А. Традиционные формулы, как явление народной культуры (на материале русской и английской фольклорной сказки): автореф. дисс. ... канд. культурологи. М., 2002. 23 с.

Зайцева И. К. Личные имена существительные в русских народных сказках Воронежской области // Специфика фольклорной лексики и фразеологии. Курск: Науч. тр. Курск. гос. пед. ин-та, 1978. Т. 186. С. 10–14.

Зайцева И. К. Наблюдения над лексикой русских народных сказок // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1977. С. 35–41.

Иванова И. П. Однокомпонентные обращения в русской волшебной сказке // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1979. С. 99–108.

Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд., испр. М.: Вост. лит., 2004. 460 с.

Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. М.: Рус. словари; АСТ: Астрель, 2001. 800 с.

Омакаева Э. У., Бадмаева С. С. Сказка как текст: структура и семантика (на материале сказок монгольских народов) // Молодежь в науке. Межрегиональная научная конференция молодых ученых: сборник научных трудов. Элиста: КИГИ РАН, 2004б. С. 75–85.

Омакаева Э. У., Бадмаева С. С. Фольклор как художественно-эстетическая и этнопоэтическая система: время и пространство в зеркале языка (на материале калмыцких сказок) // Живопись как знак культуры (О творческом наследии народного художника России Гарри Рокчинского). Сер. «Калмыцкая интеллигенция». Элиста: КИГИ РАН, 2004а. С. 146–170.

Павлова Е. М. Безличные предложения в языке южновеликорусских сказок // Русская диалектная и народно-поэтическая речь. Воронеж: Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та, 1976. Т. 186. С. 64–80.

Павлова Е. М. Глагольное составное сказуемое в южнорусских сказках // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1967. Вып. 3. С. 52–66.

Петрикина Н. С. Предложные конструкции в северовеликорусских сказках (на материале сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: АН СССР, 1952. 24 с.

Черноусова И. П. Структура и художественные функции диалога в русской волшебной сказке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1994. 22 с.

Шати́ро Ф. С. Из наблюдений над личноуказательными местоимениями в языке сказок // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1979. С. 132–138.

Шати́ро Ф. С. О формах второго лица единственного и множественного числа в языке современных русских сказок // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1977. С. 93–101.

References

Borkovskiy V. I. The Syntax of Fairy Tales. The Russian-Belarusian Parallels. Moscow: Nauka, 1981. 235 p. (In Russ.)

Chernousova I. P. Structure and Artistic Functions of the Dialogue in a Russian Magic Fairy Tale. Cand. Sc. thesis (philology) abstract. Voronezh, 1994. 22 p. (In Russ.)

Davydova O. A. Concerning the Traditional Language Methods and Means of the Russian Folk Magic Fairy Tale. In: Problems of Modern and Historical Lexicology. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute Publ., 1979. Pp. 113–125. (In Russ.)

Davydova O. A. Traditional Linguistic Means of the Russian Folk Magic Tale (Definitive Combinations, Poetic Formulas). Cand. Sc. thesis (philology) abstract. Moscow, 1981. 22 p. (In Russ.)

Dmitrieva T. G. Storytelling and Descriptive Stylistic Methods in a Russian Folk Magic Fairy Tale. Cand. Sc. thesis (philology) abstract. Moscow, 1988. 24 p. (In Russ.)

Egorova O. A. Traditional Formulas as a Phenomenon of Folk Culture (on the Material of the Russian and English Folklore Fairy Tale). Cand. Sc. thesis (culture studies) abstract. Moscow, 2002. 23 p. (In Russ.)

Golikova S. V. Concerning the Language of a Folk Magic Fairy Tale. *Problems of History and Philology*. Voronezh: Voronezh. State University, 1973. Is. 2. Pp. 41–48. (In Russ.)

Ivanova I. P. Single Component Addresses in a Russian Magic Tale. In: The Language of Russian Folklore Genres. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 1979. Pp. 99–108. (In Russ.)

Meletinskiy E. M. Origin of the Heroic Epic: Early Forms and Archaic Monuments. 2nd ed. Moscow: Vost. lit., 2004. 460 p. (In Russ.)

Ogol'tsev V. M. Dictionary of Stable Comparisons of the Russian Language. Moscow: Rus. slovari; AST: Astrel, 2001. 800 p. (In Russ.)

Omaakaeva E. U., Badmaeva S. S. Folklore as an Artistic-aesthetic and Ethno-poetic System: Time and Space in the Language Mirror (on the Material of Kalmyk Fairy Tales). In: Painting as a Sign of Culture (On the Creative Heritage of the People's Artist of Russia Garry Rokchinsky). Ser. Kalmyk intelligentsia. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2004a. Pp. 146–170. (In Russ.)

Omaakaeva E. U., Badmaeva S. S. The Fairy Tale as a Text: Structure and Semantics (on the Material of Tales of Mongolian Peoples). In: Youth in Science. Interregional scientific conference of young scientists. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2004b. Pp. 75–85. (In Russ.)

Pavlova E. M. Impersonal Sentences in the Language of South Russian Fairy Tales. In: Russian Dialect and Folk-poetic Speech. *Bulletin of Voronezh State Pedagogical Institute*. Voronezh, 1976. Vol. 186. Pp. 64–80. (In Russ.)

Pavlova E. M. The Verb Compound Predicate in Southern Russian Fairy Tales. In: Materials on Russian-Slavonic Linguistics. Voronezh: Voronezh University Publ., 1967. Is. 3. Pp. 52–66. (In Russ.)

Petrikina N. S. Prepositional Constructions in the North Great-Russian Fairy Tales (on the Material of the Collection of N. E. Onchukov "Northern Fairy Tales"). Cand. Sc. thesis (philology) abstract. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1952. 24 p. (In Russ.)

Shapiro F. S. Concerning the Forms of Second-Person Singular and Plural in the Language of Modern Russian Fairy Tales. In: Language of Russian Folklore Genres. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 1977. Pp. 93–101. (In Russ.)

Shapiro F. S. From Observations over Personal Pronouns in the Language of Fairy Tales. In: Language of Russian Folklore Genres. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 1979. Pp. 132–138. (In Russ.)

Veselovskiy A. N. Historical Poetics. Leningrad: Goslytizdat, 1940. 647 p. (In Russ.)

Zaitseva I. K. Observations over the Lexicon of Russian Folk Tales. In: Materials on Russian — Slavonic Linguistics. Voronezh, 1977. Pp. 35–41. (In Russ.)

Zaitseva I. K. Proper Noun-names in Russian Folk Tales of Voronezh Region. In: Specificity of Folklore Vocabulary and Phraseology. Kursk: Kursk State Pedagog. Institute, 1978. Vol. 186. Pp. 10–14. (In Russ.)